

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее
Ничего не возьму с собой
Когда ад замерзнет
Удержаться на краю

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

УДЕРЖАТЬСЯ
НА
КРАЮ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

 eksmolive

 eksmo

 eksmolive

 eksmo.ru

 eksmo_live

 eksmo_live

Полянская, Алла.

П54 Удержаться на краю : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-103818-2

Люба давно не общалась со своей сестрой Надей и была шокирована ее внезапной смертью. Надя была очень талантливой художницей и вела сомнительный образ жизни, но что с ней могло случиться? Придя в квартиру сестры, Люба познакомилась с ее соседкой Милой. И надо же было такому случиться: вскоре после их знакомства Мила стала жертвой покушения, только своевременное вмешательство Любы спасло ей жизнь. Теперь Мила в коме, лежит в реанимации и пока не может ничего рассказать. А Люба теряется в догадках: связаны ли между собой эти преступления, ведь сестра, как выяснилось, тоже была убита. И не угрожает ли опасность ей самой, ведь в последнее время Люба тоже чувствует легкую...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Copyright © PR-Prime Company, 2021

© Оформление. ООО «Издательство

«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-103818-2

Внутри каждого из нас скрывается ребенок, которым мы когда-то были. Он — основа того, кем мы стали, кто мы и кем будем.

Д-р Р. Джозеф

1

Ночи все разные.

Бруно любит, когда за окном, например, метель, а он дома, и все, кого он любит, тоже.

И летние ночи хороши, если пойти, например, гулять к реке, брести вдоль кромки, ощущая запах воды, прислушиваясь к шороху песка, а рядом идет его человек.

Идти и знать: сколько бы ни шли, всегда можно вернуться домой, там безопасность и уют. Его Стая, которая не предаст, за которую он готов драться со всем миром.

И другие ночи, расцвеченные огнями города, который никогда не спит, — они тоже хороши, хотя без осенних луж вполне можно обойтись.

А бывают ночи, как эта, — невесть где, в странных и опасных местах, пахнущих смертью, разрухой и запустением. И такие ночи Бруно не любит, да и за что их любить?

Бруно вздохнул и прислушался. Где-то очень далеко слышен шум города, но здесь, в пустом доме — если разрушенную выгоревшую коробку посреди леса можно так назвать, — тишина липкая и неживая. Тишина ведь тоже бывает разная, граждане. Вот, например, тишина в квартире, когда все спят, но большой дом все равно живой: кто-то из соседей протопал на кухню, где-то плачет ребенок, за окном проезжают машины — такой тишины подавайте сколько угодно, это отличная вещь. Или даже тишина утренней реки, когда город вороча-

ется, пробуждаясь, на песок тихонько накатывают прозрачные волны и какие-то пернатые мизантропы заводят в ветках акации нытье «худо тут! худо тут! худо тут!». Но совершенно не худо, а, наоборот, отлично и свежо, мальки резвятся на отмели, в камышах взлетают стрекозы — разве это худо?

А вот здесь — да, худо. И тишина здесь опасная и колючая. Она сочится из трещин в кирпичной кладке, пугается в паутине, покрытой пылью, — люди давно ушли отсюда, и огонь тоже, и пауки, которые сплели по углам тонны паутины, ушли, потому что этот дом действует на нервы, а даже у пауков есть нервы.

Бруно тряхнул головой, словно избавляясь от наваждения, — он должен быть здесь, что ж.

И ведь не сказать, что в этих руинах не бывает людей — нет, они сюда заходят, об этом свидетельствуют различные запахи, предметы, разбросанные по полу, рисунки на закопченных стенах и многое другое. Да, люди тут бывают, но вряд ли это хорошо.

Простая и внятная картина мира ротвейлера Бруно не предполагала сомнений. И метания его приятеля, рыжего мордатого кота Декстера, его постоянный поиск чего-то, что есть где-то там, и это «там» обязательно лучше, чем то, что есть здесь, были для него логическим тупиком. Вот говорит хозяйка идти с ней, он идет, и какая разница куда. Главное, что рядом с той, кого любит всей своей собачьей душой и готов защищать до последней капли крови. Все просто: велит идти — идет, велит остаться дома — что ж, так тому и быть, и хотя недовольство гложет, а спорить с хозяйкой он не будет. Так правильно, и в Стае по-другому не бывает.

Но проблема в том, что Декстер сам считает себя хозяином и вожаком Стаи, он ведет себя так, словно квар-

тира, все, кто ее населяет, и все, что в ней есть, принадлежат ему. Декстер уверен, что даже отливы и приливы, положение Солнца на эклиптике зависят от его желания и существуют лишь потому, что он так решил. И этого Бруно не понимает.

— Бруно, иди сюда.

Пес подошел, осторожно переступая лапами — пол этого дома был усеян какими-то осколками. Не стекло и нет острых краев, но наступать неприятно.

— Сиди тут.

Бруно покорно уселся, вдыхая запах хозяйки и думая о том, что неплохо было бы сейчас перекусить, да только неизвестно, когда это случится.

— Держи.

Собачьи печенки — любимое лакомство. Бруно ткнулся мордой в ладонь хозяйки и благодарно вздохнул. Все-таки она лучшая в мире: вот как догадалась, что он не прочь перекусить?

Хозяйка стоит на коленях около каменной стены с выступом, пахнущим гарью. Она посветила фонариком внутрь закопченной дыры, которую пробила в стене, потом, удовлетворенно хмыкнув, надела резиновую перчатку, сунула руку в отверстие и достала оттуда сверток. Дыра воняет застарелой сырой гарью, и чему так рада хозяйка, Бруно не понимает.

— Ну, порядок, Предмет у нас.

Хозяйка уложила Предмет в пластиковый контейнер, запихнула его в рюкзак, собрала инструмент, освещая себе пространство небольшим фонариком, и Бруно понял — скоро домой.

— Давай, мальчик, поехали домой.

Поехали — это сильно сказано. Машину они оставили довольно далеко отсюда, но Бруно не устал.

Вот только идти сейчас никуда не надо, потому что он слышит звук, который тревожит его, и он тихонько рыкнул, давая знать хозяйке, что путь небезопасен.

— Что?

Они понимают друг друга с полуслова — если можно считать словами собачье рычание. Но Бруно об этом не думает: есть понимание, чего ж еще-то. Это Декс ужасно обижается, когда хозяйка не улавливает мгновенно, чего он желает, но Декса вообще понять сложно, иногда он делается капризным и мстительно нападает на всех из-за угла, норовя при этом поцарапать — не сильно, а так, для порядка. Бруно только удивленно смотрит на приятеля, не понимая, зачем он все это делает, учитывая обстоятельства, но хозяйка тогда берет Декстера на руки и воркует что-то нежное, пока тот вырывается из ее рук и, развернувшись хвостом ко всему миру, принимается демонстрировать свое интеллектуальное и эстетическое превосходство над всеми в принципе.

Бруно в такие моменты считает, что Декстер просто наглая зажавшаяся скотина, но в отношении хозяйки и Декстера он не вмешивается.

А сейчас он напрягся: знает, что звуки, которые доносятся извне, могут нести с собой опасность.

— Тихо, мальчик.

Хозяйка прислушалась. Бруно знает, что ее слух очень хорош для человека, но ни с ним, ни даже с Декстером ей не сравниться. И то, что приближается, она сейчас слышать не может.

— Ладно, идем.

Они нырнули в темноту, двинулись по замусоренному коридору, и Бруно слышит, как звук все приближается. Им бы сейчас нужно поскорей выйти из этого

умершего дома, добраться до машины и уехать, но он понимает, что они не успеют. Зато теперь хозяйка тоже слышит звук, и она примет нужное решение. Бруно привык всецело полагаться на нее, вот и теперь послушно замер, прислушиваясь.

— Может, проедут мимо...

Бруно снова коротко рыкнул — ему хочется уйти, в развалинах воняет опасностью. Он уже привык, что их с хозяйкой путь частенько лежит по разным руинам, пустующим домам или невесть где расположенным кладбищам. Просто эти развалины тревожат его, потому что запахи, которые его чувствительный нос уловил, вызывают в нем желание тоскливо завыть.

Но он давно научился подавлять свои естественные реакции. Вот Декстер вообще не заморачивается: захотел заорать истошным мявом — и заорал, ни в чем себе не отказывая, пусть весь мир подождет. Но, конечно, если он правит Вселенной... хотя, что такое Вселенная, Бруно не знает, и если этим правят, просто свернувшись клубком на подушке, значит, ничего сложного в этой самой Вселенной нет, любой так сможет.

Они уже добрались до лестницы, когда стало ясно, что уйти им не удастся.

— Вот черт...

Бруно понимает, что хозяйка встревожена. Он и сам встревожен, потому что внизу, на первом этаже, слышны голоса, шаги, загорелись огни, потянуло дымом, и запах чужих людей смешивается с запахом дыма и свежей крови, а уж этот запах ни с чем не спутаешь. Бруно придвинулся совсем близко к хозяйке, они замерли в темноте, за каменной балюстрадой, и Бруно почувствовал, как рука хозяйки легонько сжала его пасть.

— Тихо, мальчик, тихо...

Внизу разгорается оранжевый хищный свет — кто-то поджег железную бочку, плеснув туда бензина. Там несколько таких бочек, и в них ничего, кроме каких-то тряпок и мусора. Эти чужие люди ссорятся, что-то кричат, кто-то стонет, а хозяйка снимает на телефон все, что происходит, другой рукой прижимая к себе голову Бруно.

Только он и сам знает, что надо молчать, хотя все его инстинкты говорят о том, что надо рычать и лаять, прогонять этих людей.

Потом все вдруг закончилось, и Бруно беспокойно заворочался: его нос уловил то, от чего шерсть на затылке встала дыбом, — запах горелого мяса. Он понимает, что произошло нечто скверное, но хозяйка стискивает его морду, прижав к своему боку, и Бруно изо всех сил вдыхает аромат ее тела, знакомый с детства, к которому примешался запах их дома, машины, собачьих печенок и корма Декстера. Запах покоя и безопасности, запах Стаи.

Хозяйка бежит вниз по ступенькам. Кто-то горит, и она срывает с себя куртку, сбивает пламя, гасит его — уже видно, что лежащий человек только начал гореть, больше пострадала одежда, и хозяйка достает из сумки бутылку с водой, поливает голову человека. Она встревожена и потеряла бдительность, но Бруно все равно на чеку. Кто-то подходит сзади, и хозяйка этого не слышит. Но он слышит, он знает, что этот человек пахнет опасностью, сталью, мерзким дымом, который люди выпускают из горящих палочек, пахнет застарелым потом и нестираной одеждой. И Бруно, извернувшись, молча бросается на этого человека. Здесь он принимает решения, это решение очень правильное, и хотя что-то острое бьет его в бок, обжигая болью, Бруно вцепился в горло нападающему.

Все это произошло в абсолютной тишине, и хозяйка не успела ничего понять, но когда поняла...

— Ах ты сволочь!

Она взбежала по ступенькам и отбросила ногой остро заточенный предмет, Бруно чувствует боль в боку, его лапы слабеют.

— Держись, мальчик, только держись!

Бруно чувствует, как хозяйка осторожно касается его раны, потом полилось что-то прохладное, и кровь перестала сочиться по лапам.

— Давай-ка я мордаху тебе умою, а то невесть какая зараза могла быть у этого уroda.

Вода прохладная, Бруно пьет, и скоро это просто вода, без примеси чужой крови.

— Теперь попробуем добраться до машины.

Хозяйка достает из рюкзака плотную ткань, в которой обычно носит громоздкие предметы, перекачивает Бруно на нее и поднимает с видимым усилием.

— Тяжел ты, брат, но я дотащу, держись.

Она спускается, каждый шаг отдает болью в ране, но Бруно терпит. Он знает, что чужих уже нет, и только тошнотворный запах горелой плоти забивает запах хозяйки.

— Потерпи, малыш, только не умирай, ладно?

Бруно хочет пить, но он терпит, понимая, что сейчас именно от действий хозяйки зависят их жизни.

Тьма окутала их, запах горелой плоти отдалился. Где-то в зарослях их машина, он чувствует ее запах, но темно, и хозяйка тащит его на плечах. Если бы он понимал в мерах весов, то знал бы, что весит почти шестьдесят килограммов, а это значит, что даже для своей породы, объединяющей больших сильных собак, он великан.

— Потерпи...

Бруно ощущает знакомый запах их дома на колесах, хозяйка устраивает его на заднем сиденье, снова поит с ладошки и, подсветив фонариком, осматривает рану в боку.

— Паршиво... но ты потерпи, малыш, я сейчас. Не бросать же его там...

Хозяйка исчезает в темноте, и Бруно скулит в тоске. Время остановилось, боль накатила снова, и рана кровоточит.

— Я здесь, малыш, я здесь!

Хозяйка говорит так, словно тоже держится из последних сил, и это так, потому что обгоревшее тело она нести не может, а просто тащит его, но и это тяжело. Она открыла багажник и с трудом погрузила туда тело, воняющее горелым.

— Ничего, я сейчас, потерпи!

Бруно ощущает каждый толчок сердца, каждую неровность на проселочной дороге, но сейчас ему кажется, что он вернулся в свою самую первую Стаю, где были мать и четверо братьев и сестер. Он вдруг так сильно затосковал по своей хозяйке, по их дому, где в теплоте и уюте они жили под надзором Декстера, и даже понимание Вселенной почти пришло к нему, но его душа так рвалась в этот их общий дом, что он открыл глаза.

— Ну, боец. — Голос незнакомый, но руки хозяйки на его голове, и Бруно спокоен. — Крови много потерял, а так-то будет теперь в порядке. Быстро привезла. Это где ж его так угораздило?

— Железка торчала из земли. В зарослях.

Бруно хочет пить, и он впервые заскулил, потому что жажда совершенно нестерпима.

— Можно его напоить?

— Конечно.

Незнакомый голос принадлежит мужчине, Бруно умеет отличать запахи женщин и мужчин, и запахи, которые издают мужчины, ему не нравятся. Вот и этот человек пахнет неприятно, как и все помещение: примерно так, как то место, где ему делают прививки... но по-другому. И сквозь запах места прорывается собственный запах этого человека. Бруно этого человека уже знает, он не опасен.

Просто место незнакомое. Здесь нет запаха других собак или котов, а уж запах котов он отлично знает — Декстер ни за что не даст забыть.

— А домой ему уже можно? Ленька, он совсем плох, по-моему...

— Нужно. Мила, если меня застанут здесь в вашей компании, то уволят с «волчьим билетом». Грузим парня на каталку и везем к машине. А завтра я приеду, посмотрю.

— С «волчьим билетом», говоришь...

Огромный мужик в зеленой хирургической пижаме стоит в дверях. Бруно видит его сквозь пелену боли, но пахнет этот человек не угрожающе, от него исходят волны покоя и надежности.

— Ножевое ранение. — Пальцы вошедшего ощупали раненый бок. — Рентген?

— Вот... легкое не задето.

— А плевральная область? Так, кровь откачали, но откуда-то она снова набирается, что ж ты зашил, интерн? Не слышишь, как дышит пациент? Чего замер, на стол его сейчас же! А ты... сиди тут. Держи его, чтоб он чувствовал тебя. Леонид, давай-ка Ларису зови сюда, ассистировать надо, а я пока наркоз... Сколько весит пациент?

Бруно чувствует, что уплывает, и только знакомый запах рук хозяйки держит его на берегу, не давая нырнуть в темный поток, который вдруг оказался прямо у перед-

них лап, его холодное касание он ощущает при каждом всплеске черной маслянистой воды. Но теплые руки, пахнущие домом и чем-то самым важным в жизни, держат его на берегу и не дают упасть, и он держится всеми лапами на крохотном скользком островке, провонявшем кровью и сталью.

2

Когда случается несчастье, мир вокруг замирает. Вот там где-то бродят люди, у них свои дела, они беседуют, смеются, покупают глазированные сырки, договариваются о встречах, беззаботно сидят в кафе... В общем, лодка плывет.

Но где-то есть дом, где тишина, тьма, отчаяние. И ощущение живущего своей жизнью города усиливает ощущение катастрофы, особенно если помощи ждать неоткуда.

— Выносим.

Два крупных парня, бритых наголо, подняли носилки, тело качнулось, длинная прядь волос свесилась с носилок.

— Вот же.

Это распорядитель, пришедший договариваться о похоронах, выразил неудовольствие. Но, взяв себя в руки, он выудил из кармана запаянный пакетик одноразовых перчаток, натянул их на костлявые кисти с длинными желтоватыми пальцами и вернул прядь под простыню. Даже не поморщился.

Входная дверь закрылась за санитарями. Люба посмотрела на распорядителя — они остались только вдвоем, и сейчас особенно остро ощущалось, что мир вокруг

бушует звуками и красками, а они стоят посреди глаза урагана, остановившись во времени и пространстве, и только завешанное простыней зеркало свидетельствует о том, что случилось нечто непоправимое.

— Значит, я вам сейчас покажу наш каталог, тут картиночки у меня, приличный гробик можно найти вполне бюджетный. — Распорядитель сочувственно вздохнул. — Веночки у нас есть отличные, тоже недорого встанут, вам же не нужен венок из натуральных цветочков, а я бы обратил ваше внимание вот на эти, если взять штук шесть, выйдет скидочка и выглядеть будет прилично.

Эта его манера применять уменьшительные формы имен существительных в отношении слов, обозначающих вещи, не совместимые ни с каким панибратством, вызывала у Любы судорожное отторжение, потому что — вот же, вынесли на носилках Надю, ее сестру и до какого-то момента лучшую подружку, хотя сейчас это просто застывшее тело с судорожно поджатыми руками. Люба стоит в ее квартире, полной пыли, грязной посуды и недописанных картин, и ощущение непоправимости произошедшего смешалось с облегчением, потому что многолетний кошмар закончился, пусть даже таким страшным образом.

— Хорошо, так и сделаем. — Люба старается не смотреть на распорядителя, который аккуратно снял перчатки и спрятал их в карман. — А... остальное?

— Ямку выкопаем, сегодня же распоряджусь, столовая для поминального обеда в здании ткацкого профтехучилища, меню самое обычное, разве что вы хотите добавить какие-то дополнительные блюда.

— Нет, самое обычное меня устроит.

— Разумно. — Распорядитель оглядел квартиру. — На сколько персон заказываем обед?